

Научная статья

УДК 94(470.6)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.13>

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(Б)–ВКП(Б) ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ 1920-Е ГГ.: ОРГАНИЗАЦИОННО-КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Евгений Васильевич Туфанов^{1*}, Юрий Асланбиевич Яхутль²

¹ Ставропольский государственный аграрный университет (д. 12, пер. Зоотехнический, Ставрополь, 355035, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

e.vt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4242-9561>

² Кубанский государственный университет (ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что опыт подготовки, обучения, формирования кадрового потенциала власти в условиях реформ 1920-х гг. востребован современной Россией. Он позволяет, обратившись к историческому опыту, определить основные приоритетные направления в подготовке управленцев способных работать и принимать решения в условиях ограниченных ресурсов. Целью статьи является анализ состояния партийных организаций регионов Северного Кавказа, которые в 1920-х гг. были единственными источниками формирования кадрового потенциала Советской власти. От их качества состава, а именно от уровня грамотности, управленческого опыта зависел успех реформ. **Материалы и методы.** Исследование основано на принципах объективности, детерминизма, историзма и системного подхода. Использованы историко-системный и сравнительно-исторический методы. **Анализ.** После победы большевиков в гражданской войне в высшем политическом руководстве Советской России сложилось устойчивое понятие о возможности построения социализма с активным использованием военно-коммунистических методов. Практическое их применение привело к очередному ветку противостояния в обществе, которое закончилось временным компромиссом с крестьянством и началом реализации экономических и политических реформ, вошедшая в историю как новая экономическая политика, а затем и социалистическая модернизация. В ходе начатых реформ правительство страны и РКП(б)–ВКП(б) столкнулось с серьёзной проблемой дефицита подготовленных управленческих кад-

ров как для экономики, так и для политической системы. Основным источником кадрового пополнения стали первичные, региональные организации РКП(б)–ВКП(б) на местах. Однако их потенциал на региональном уровне был ограничен, члены партии коммунистов не всегда были подготовлены для профессионального исполнения своих обязанностей, что постоянно формировало конфликт в обществе. **Результаты.** В ходе исследования мы пришли к выводу, что кадровая политика большевиков, основанная на принципах однопартийности и приоритета представительства коммунистов во всех органах и уровнях власти, препятствовало успешному проведению реформ, способствуя развитию коррупции, росту должностных преступлений и привилегий.

Ключевые слова: большевики, кадры, крестьяне, нэп, партия, реформа, рабочие, служащие, съезд, кадровый резерв

Для цитирования: Туфанов Е. В., Яхутль Ю. А. Партийные организации РКП(б)–ВКП(б) Юго-Востока России 1920-е гг.: организационно-кадровый потенциал // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 715–722. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.13>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 23.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

PARTY ORGANIZATIONS OF THE RCP(B)–THE CPSU(B) OF THE SOUTH-EAST OF RUSSIA IN THE 1920S: ORGANIZATIONAL AND PERSONNEL POTENTIAL

Evgeny V. Tufanov^{1*}, Yuri A. Yahutl²

¹ Stavropol State Agrarian University (12, Zootechnicheskij Lane, Stavropol, 355035, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

e.vt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4242-9561>

² Kuban State University (149, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The relevance of the topic under consideration is due to the fact that the experience of training, education, and formation of the personnel potential of the government in the context of the reforms of the 1920s is in demand in modern Russia. It allows, with the reference to historical experience, identifying the main priority areas in the training of managers who are able to work and make decisions in conditions of limited resources. The purpose of the article is to analyze the state of party organizations in the regions of the North Caucasus, which in the 1920s were the only sources of formation of the personnel potential of the Soviet government. The success of the reforms depended on their qualitative composition, namely on the level of literacy and managerial experience. **Materials and Methods.** The research is based on the principles of objectivity, determinism, historicism and a systematic approach. Historical-systemic and comparative-historical methods were

used. **Analysis.** After the victory of the Bolsheviks in the civil war, the highest political leadership of Soviet Russia developed a stable concept of the possibility of building socialism with the active use of military-communist methods. Their practical application led to another branch of confrontation in society, which ended with a temporary compromise with the peasantry and the beginning of the implementation of economic and political reforms, which went down in history as a new economic policy, and then socialist modernization. In the course of the reforms initiated, the government of the country and the RCP(b)–VKP(b) faced a serious problem of a shortage of trained managerial personnel for both the economy and the political system. The primary, regional organizations of the RCP(b)–VKP(b) in the field became the main source of personnel replenishment. However, their potential at the regional level was limited, the members of the Communist Party were not always prepared for the

professional performance of their duties, which constantly formed a conflict in society. **Results.** In the course of the study, the authors came to the conclusion that the personnel policy of the Bolsheviks, based on the principles of one-party rule and the priority of communist representation in all organs and levels of government, hindered the successful implementation of reforms, contributing to the development of corruption, the growth of malfeasance and privileges.

Keywords: Bolsheviks, cadres, peasants, NEP, party, reform, workers, employees, congress, personnel reserve

For citation: Tufanov EV, Yahutl YuA. Party organizations of the RCP(b)–the CPSU(b) of the South-East of Russia in the 1920s:

organizational and personnel potential. Humanities and law research. 2024;11(4):715–722. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.13>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.04.2024.

The article was approved after reviewing: 23.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Введение. Гражданская война стала отправной точкой формирования партийной структуры РКП(б) как на уровне центра, так и регионов страны. Опыт партийного строительства в годы гражданского противостояния, когда активно использовали военно-коммунистические методы, в мирный период оставался актуальным как эффективное средство формирования однопартийной системы. Но эта система имела ряд серьёзных издержек, проявившиеся в первые же мирные годы, которые могли привести к потере большевиками власти. Поэтому высшее партийное руководство вынуждено было принять ряд решений по укреплению внутрипартийной дисциплины, повысить уровень ответственности членов партии на всех уровнях, а также провести первые чистки в партии. Принципиальное было признано, что необходимо сосредоточить власть на местах в партийных комитетах и обеспечить контроль во всех сферах общественной и производственной деятельности. Следующим шагом к укреплению власти РКП(б) стало обоснование В.И. Лениным идеи «диктатуры партии». Он отмечал, что вся партия не способна править, поэтому власть должна перейти к авторитетным и опытным политикам [14, с. 24, 102–103]. Позже В.И. Ленин доказывал, что «пролетарская политика партии определяется не её составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией» [15, с. 20]. Следовательно, по мнению В.И. Ленина, рабочий класс не мог править. В подтверждении этому можно привести следующее его высказывание: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Мы даже неграмотность не ликвидировали. Мы знаем, как рабское, связанные с крестьянами, поддаются на непролетарские лозунги» [13, с. 253].

К концу гражданской войны бюро ЦК РКП(б) продолжает использовать апробированные методы военного коммунизма, игнорируя принципы выборности и производит назначение руководящего состава региональных бюро партии. Так, 31 марта 1920 г. учредили бюро по руководству партийными организациями Северного Кавказа [45, л. 1, 2]. 18 апреля 1920 г. Пленум ЦК преобразовал этот орган в Кавказское бюро ЦК, а осенью того же года выделил группу с центром в Ростове-на-Дону [11, с. 26]. Весной следующего года образовали Юго-Восточное бюро ЦК [19, л. 143]. Однако, право избирать коллегиальный региональный орган партий-

ная организация края получила только в 1924 г. [22, с. 143]. Таким образом, в начале 1920-х гг. начинается процесс формирования единообразной сети партийных комитетов различных уровней, которые пополнялись за счёт рекрутирования членов партии из региональных, первичных организаций и российского комсомола.

Материалы и методы. Данное исследование основано на широком использовании неопубликованных или малоизвестных архивных материалах, хранящихся в центральных и региональных архивах. Используются стенограммы партийных форумов, аналитические справки, сообщения с мест и другая текущая документация о кадровой политике, а также о качественном и количественном составе партийных организация. Работа строится на принципах объективности, детерминизма, историзма и системного подхода, что позволяет воссоздать историческую действительность формирования кадровой политики партии большевиков в условиях реформ 1920-х гг. Использование историко-системного и сравнительно-исторического методов позволяют изучить развитие партийных организаций и вместе с ним кадровую политику большевиков в регионе, отличавшимся своим национальным и сословным составом.

Анализ. Первые шаги по укреплению партии были предприняты на X съезде РКП(б). Даже в условиях нарастающего крестьянского повстанческого движения и событий в Кронштадте В.И. Ленин настоял на том, чтобы вопрос о единстве партии на съезде был рассмотрен одним из первых. Принятая резолюция способствовала ужесточению внутрипартийной дисциплины и обеспечивала единство в руководящем составе РКП(б). Ленинская концепция построения партии как руководящего органа, победив на съезде, заложила основы будущей однопартийности, сосредоточив высшую партийную власть в центральном аппарате. Работа по упорядочиванию партийных кадров началась сразу после X съезда партии. Местным партийным органам было предписано провести перепись ответственных работников в аппаратах губернских и уездных комитетов [20, л. 122]. К этому времени в аппарате ЦК уже была информация о кадровом составе 25 регионов Советской России. Эту работу организовали оргинструкторский и учетно–распределительный отделы. В последующем отделы были объединены в Орграспредотдел, который осуществлял контроль за ротацией руководителей среднего звена [17]. Учраспредотдел смог собрать и систематизировать

сведения о 1 333 партийных рабочих различного уровня [7]. Это позволило к 1922 г. поставить на кадровый учёт в ЦК партии 26 тыс. партийных функционеров, в том числе 7 тыс. работников губернского масштаба [16, с. 46, 47]. Одновременно издаются циркуляры ЦК, регламентирующие порядок работы с партийными кадрами. Например, циркуляр ЦК от 17 февраля 1922 г. предписывал, что ответственные работники губернского и уездного уровня могут перемещаться на другие должности только учраспредом ЦК по запросам с мест [21, л. 160]. Однако, по признанию руководителя отдела Л. Кагановича, эта форма учёта была ещё недостаточно эффективна [9]. В августе 1922 г. XII Всероссийская конференция РКП(б) принимает поправку к уставу, по которой кандидат в секретари губернского комитета должен был иметь дореволюционный стаж, а после избрания утверждался вышестоящим партийным органом [1, с. 88]. Таким образом формировалась номенклатура партийных кадров, которая обеспечивала контроль со стороны Оргбюро и Секретариата ЦК за подбором и расстановкой кадров. В. Сталин обосновал эту кадровую политику следующим образом: «После того, как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы... В противном случае политика теряет смысл» [5, с. 63]. XII партийный форум принял соответствующую резолюцию «По организационному вопросу», в которой были сформулированы основные задачи кадровой политики партии [10, с. 94–110]. Это позволяет приступить к формированию единой, унифицированной системы учёта партийных кадров. Региональные партийные органы, руководствуясь этими требованиями, формируют по аналогии свою кадровую номенклатуру [18, л. 1].

Массовое исключение из членов правящей партии в начальные годы нэпа было связано со слабой партийной дисциплиной, отсутствием опыта работы у большинства сотрудников советского и партийного аппарата, а также ростом преступлений по должности: пьянство, кражи (уголовные дела), дезертирство с «трудового фронта» и т.д. При незначительных правонарушениях применяли меры дисциплинарного характера, например, перевод в кандидаты в члены партии сроком до трёх месяцев [37, л. 2]. Списки исключённых из партии публиковали в местных периодических изданиях. Ещё в ноябре 1921 г. В.И. Ленин ставил вопрос в Политбюро ЦК РКП(б) об ответственности членов партии. Во многом, это было предопределено неконтролируемым ростом партийной и советской бюрократии, которая подвергалась серьёзному влиянию нэповской экономики. Попытки правоохранительных и судебных органов инициировать возбуждение уголовных дел по фактам служебных преступлений встречали упорное сопротивление местных партийных элит. Необходимо было повысить их ответственность и создать условия, при котором судебные органы не подвергались «партийному давлению». Порядок взаимодействия между парткомами,

с одной стороны, а с другой, с силовыми и судебными органами изложили в циркуляре РКП(б) «О взаимоотношениях парткомов с судебно-следственными комиссиями». Одновременно, с первыми успехами нэпа начинаются обсуждения и дискуссии о партийной этике и бытовых излишествах членов партии [12, с. 66].

На Кубани после повторного восстановления советской власти сразу приступили к формированию низовых партийных структур. Летом 1920 г. на территории региона по инициативе областного ревкома были учреждены 92 коммунистические ячейки, которые объединяли 3 010 членов партии [8, с. 31]. Политическая ситуация в Кубано-Черноморской области к началу нэпа была сложной и запутанной. Часть партийных функционеров характеризовала её как «скверную» и близкую к гражданскому неповиновению. Отсутствовала устойчивая связь между партийными ячейками и областным комитетом. На местах шёл неконтролируемый процесс распада первичных партийных организаций, которые только что создали в станицах и сёлах [27, л. 8]. Невозможно было перевести государственную систему управления с военных методов руководства на мирные без политических и экономических потрясений. Именно этот период переживала Советская Россия. Малоопытные, молодые партийные работники, не имеющие политического и жизненного опыта, а тем более – управленческого, работали на основе проб и ошибок. Из общей массы населения наиболее пристальное внимание в этой ситуации уделялось молодёжи и женщинам, которые могли стать основой для пополнения первичных партийных организаций. Во всех городских партийных ячейках Кубано-Черноморской области были созданы отделы по работе с молодёжью и женсоветами. Основной проблемой в работе с женскими организациями было отсутствие подготовленных кадров, то есть лидеров способных возглавить движение и преобладание «безграмотности и невежества» [29, л. 15, 25 об].

В ходе чистки рядов партии осенью 1921 г. Кубано-Черноморская областная партийная организация сократилась на 6 883 члена и составила 14 289 чел. [31, л. 26]. В этот период появляется тенденция добровольного выхода из состава партии по идеологическим соображениям из-за несогласия с политикой нэпа. Процесс «самоочищения» имел и ряд положительных последствий, способствовавших улучшению дисциплины, очищению от случайных «попутчиков», усилению роли и влияния партии на хозяйственную и политическую жизнь. Однако не произошло коренного перелома в понимании новой идеологии большевиков. Религиозные убеждения, неграмотность, слабая просветительская работа, неудовлетворительное материальное положение и начатые экономические реформы, не совпадавшие с лозунгами революции, способствовали выходу из партии большевиков. Болезненно воспринимались факты злоупотребления коммунистами служебным положением, их оторванности от масс, что в конечном итоге способствовало ослаб-

лению имиджа партии [28, л. 35]. Рядовые большевики, ежедневно сталкиваясь с нарушениями партийной этики и устава, с возмущением писали в местные региональные парткомы: (стилистика цитат сохранена): «Люди, севшие у власти, совершенно не считаются с рядовыми работниками» [35, л. 1]. «Далеко не секрет, что партийная организация Кубано-Черноморской области сформирована в большинстве своём из мелкобуржуазных, мещанских элементов, крестьян... Коммунисты ведут себя дома безобразно, имеют слуг, на работе превратились в «царьков», дружат со спекулянтами, кулаками» [39, л. 120].

Региональные парткомы не могли не реагировать на проявления таких фактов как взяточничество и преступления по должности. Они вынуждены были инициировать внутрипартийные проверки и в случае подтверждения фактов нарушения действующего законодательства или устава партии выносили решения об отстранении от должности, исключении из партии или же передаче дел в судебные органы [36, л. 11]. При этом местные партийные органы открыто признавали свою несостоятельность и полное отсутствие возможности влиять на кадры, которые в силу объективных причин превратились именно «в местных царьков» [32, л. 1]. Для усиления работы областная партийная организация вынуждена была привлечь к работе и направить в отделы не только большевиков, состоящих на партийном учёте в области, но и воспользоваться кадровым потенциалом других городов Центральной России.

Партийная организация Кубано-Черноморской области, в последующем Кубанского округа, предпринимала шаги по укреплению своих рядов и росту их численности, но её деятельность население оценивало не по количеству коммунистов, а по результатам проводимой социально-экономической политике и её влиянию на жизненный уровень населения. Ситуация была такова, что нэп стал оказывать отрицательное влияние на партийный и советский аппарат, в котором стали более зримо проявляться карьеризм, взяточничество и пьянство. Оценка негативных последствий нэпа в обществе вынуждала партийные органы установить «надзор за всеми ответственными работниками» [4, л. 29].

Отсутствие качественных управленческих кадров в 1920-х гг. усугубляло общественно-политическую ситуацию, особенно в сельской местности, где уровень противостояния был намного выше, чем в городе. Областная партийная организация, действуя на основе директивных указаний центра, старалась упрочить своё положение и влияние во всех сферах экономической и политической жизни Кубани и Черноморья. На основании разработанного плана мероприятий Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) ввёл институт заместителей во всех государственных и хозяйственных учреждениях области. Создавались инструкторские комиссии, имевшие право проверять деятельность первичных партий-

ных организаций. Вводилась обязательная форма письменных отчётов, которые в последующем ложились в основу партийных чисток и последующего исключения из партии. Стал применяться принцип ротации партийных работников и членов партии из советско-партийных органов в хозяйственные учреждения, в советские органы городов и станиц Кубани. Особое внимание уделялось партийным организациям государственных предприятий. Вводилась система учёта членов партии, которая позволяла осуществлять подбор, расстановку кадров и формировать партийную номенклатуру. Однако, на местах эти меры не оказывали существенного влияния на партийную дисциплину, что негативно сказывалось на весь процесс партийного строительства [26, л. 3]. Население области, в свою очередь, не воспринимало новые политические идеи и враждебно относилось к большевикам, советской власти и партийной номенклатуре.

Численность партийной организации РКП(б) Кубано-Черноморской области была нестабильной: с 1920 г. по 1921 г. она возросла с 9 782 чел., до 20 172 чел. Однако, после проведённой кампании по чистке рядов РКП(б) численность сократилась до 14 289 членов, а весной 1923 г. она ещё сократилась на 2 289 чел. К концу марта 1923 г. на партийном учёте осталось 10 269 чел. Коммунисты составляли лишь 0,34% от общего количества населения области [25, л. 39]. До 54 % членов первичных партийных организаций области были рабочими [24, л. 1–4]. Таким образом, состав Кубано-Черноморской областной партийной организации не отражал социальные и классовые группы населения региона, где преобладало сельское население.

На основании решений XIII партийного съезда РКП(б) и II Северо-Кавказской краевой партийной конференции (осень 1924 г.) были разработаны планы по партийному строительству, работе в деревне, национальной политике и др. [40, л. 3]. Было признано необходимым с особой осторожностью относиться к крестьянам коммунистам, которых исключали из партии под предлогом «потери связи с партией». Происходило это, как правило, в период весенне-осенних полевых работ. Кроме того, до 80% селян Кубани были исключены из партии в 1923 – 1924 гг. по сословным признакам [38, л. 18]. Эти факты происходили на фоне очередного кризиса нэпа.

По мере углубления противоречий между рыночными методами и государственным регулированием обострялась обстановка в низовых структурах партии, выражавшаяся как в нарушении устава, так и уголовного кодекса. Продолжалось противостояние между судебно-следственными органами и местными партийными структурами. Члены партии активно пользовались судебным иммунитетом. Формировалась политическая бюрократия, гарантировавшая себе неприкосновенность на государственном уровне.

Очередной циркуляр ЦК РКП(б) «О порядке рассмотрения дел коммунистов, привлечённых к

уголовной ответственности», регулирующий правовой статус коммуниста был издан в июле 1924 г. Высшее партийное руководство не скрывало обеспокоенность положением членов партии, избегающих уголовных преследований и реакцией на это граждан страны. Последовали указания центра, чтобы контрольные партийные комиссии не прекращали дела в отношении коммунистов, которые рассматривались в судах.

Высшие партийные органы признавали наличие «у руководящих товарищей на местах» увлечения властью, игнорирование законов, прав и интересов граждан. Об этом говорили на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1926 г. На местах были зафиксированы случаи крупных финансовых растрат и попытки уйти от уголовной ответственности. Партийные структуры самостоятельно определяли меры наказания, оказывая давление на прокуратуру и суды – это дискредитировало партию.

Со второй половины 1920-х гг. областные и краевые комитеты партии проводили систематическую работу по оценке деятельности местных партийных ячеек. Контроль вышестоящих партийных структур над нижестоящими постепенно усиливался. Контрольно-ревизионные органы фиксировали не только рост благосостояния части местной партийной элиты, но и увеличение преступлений по должности. Объектами исследований по фактам нарушений партийной дисциплины и уголовных преступлений часто становились демобилизованные красноармейцы, избранные и работающие в местных органах власти. Партийные комиссии вынуждены были признать, что большая часть лиц, вступивших в партию после 1920 г., исключались из партии [33, л. 1–3]. Следует отметить, что по возрастной категории наибольшее количество исключённых было представлено 30 – 40 летними [34, л. 57].

Руководители края понимали необходимость формирования резерва для своих структур и с этой целью активно вовлекали молодёжь в общественно-политическую деятельность [43, л. 6]. Таким кадровым резервом стал комсомол. Российский союз молодёжи активно сотрудничал с ВКП(б) и лучших своих представителей рекомендовал в партию и её структуры [46, л. 107]. Эта политика способствовала формированию кадрового резерва партии и сохранению преемственности. Например, к середине 1920-х гг. в Кубанском округе молодёжная организация сохраняла стабильную численность: в 1926 г. – 16.030 чел., в 1927 г. – 15.146 чел., в 1928 г. – 16.882 чел. [42, л. 54]. В организацию вступали рабочие, бедняки, батраки. После смены «старой гвардии» комсомол стал основным источником для пополнения коммунистической партии и управленческого аппарата.

Численность партийной организации менялась достаточно быстро из-за проводимых организационных преобразований внутри партии и текучести кадрового состава. Например, партийная организация большевиков Кубанского округа за 1926 г. выросла с 8 572 до 9 597 чел. во многом за счёт батраков. В 1926 – 1927 гг. в партию вступило 439 ба-

траков. Менялся социальный состав партии: до 54 % – рабочие, 22 % – крестьяне и 18,4 % служащие. Через год, в 1928 г. численность партийной организации выросла на 1 793 чел. и достигла 11 390 чел. (61,2 % – рабочие, 19,8 % – крестьяне, 17 % – служащие) [41, л. 53, 54]. 1929 г. был отмечен ростом численности партийной организации на 11,7 %, что превышало показатели 1928 г. Незначительно изменился социальный состав членов партии: окружная партийная организация состояла на 34,2 % из рабочих, на 4,3 % из батраков, на 13,3 % – хлеборобов, на 48,2 % – из служащих. Существуют разночтения в партийных документах о численности партийной организации Кубанского округа, что связано с рядом объективных причин, в т.ч. – с организацией учёта членов организации. Региональные и местные партийные элиты пытались оказать влияние на эти процессы в партии, а через них на весь комплекс социально-экономических преобразований, происходивших в деревне.

К 1923 г. В. Молотов и заведующий организационно-инструкторским отделом ЦК РКП(б) Л. Каганович собрали сведения о более чем трёх тысяч должностей, назначение и перевод на которые происходил только с прямого разрешения и согласования с ЦК партии. За период с 1922 г. по 1923 г. аппарат ЦК сосредоточился на совершенствовании методов и средств подбора и расстановки кадров партии. Были разработаны критерии подбора кадров, их продвижение и обучение, что позволяло формировать по-новому партийный и советский управленческий аппарат. Высшая партийная элита получила свою номенклатурную сетку. Это привело не только к упорядочиванию кадровой работы, но и формированию нового правящего класса страны – коммунистической номенклатуры.

Проведённые реформы оказали существенное влияние на социальный состав партии и порядок формирования партийной иерархии. Так, к марту 1920 г. рабочие составляли 11 %, а служащие – 53 % от общего числа членов партии [6, с. 573]. За период 1917 – 1921 гг. число рабочих коммунистов сократилось с 60,2 % до 37,3 %; число крестьян, в свою очередь, выросло с 7,6 % до 32,1 %, а количество служащих осталось неизменным (32,2 % и 30,6 %) [2, с. 37]. Эти диспропорции в партии сохранялись весь период нэпа. Данную тенденцию подтвердила партийная перепись 1927 г., где 26,9 % коммунистов страны относились к категории рабочих по роду занятий, а 48,8 % – по происхождению. Качественный состав партии, в том числе и на региональном уровне не отвечал задачам государственного и партийного строительства. Например, в 1927 г. до 60,3 % состава Северо-Кавказской партийной организации имели лишь низшее образование [23, с. 75–77].

За годы нэпа постепенно сложился новый советско-партийный бюрократический аппарат из числа рабочих и крестьян, вытеснив «старую гвардию». В 1927 г. 32,5 % коммунистов края были из рабочих, а 13,9 % из крестьян [44, л. 73 – 74]. Но сохранялись некоторые диспропорции в организа-

ционном строении региональной партийной организации. Так, в сельской местности края к середине 1920-х гг. проживало до 80,2% населения, но только 32,8% состава парторганизации [3, с. 10].

Таким образом, в эти годы формируется партийная элита и номенклатура, что позволяет создать руководящий резерв партийных и советских органов власти только из числа членов ВКП(б). В самой партии происходит определённая дифференциация, при которой формируется партийная элита, управленцы регионального уровня и рядовые члены партии. Кадровый резерв стал источником новых партийных работников, приходящих на место «старой гвардии» в период чисток. Новая элита, воспитанная и сформированная уже под контролем высших партийных структур, выстраивала однопартийную систему, подчинённую идеям строительства социализма в отдельно взятой стране.

За годы нэпа произошли значительные изменения социального состава большевистской партии за счёт увеличения в ней мелкобуржуазной прослойки. Чистки не могли в полной мере решить вопрос «идеологической чистоты» партии. Следовательно, это оказывало самое негативное влияние на проводимые реформы. К этому времени относятся первые шаги по созданию и формированию привилегий, специального снабжения партийных чиновников. Высшее партийное руководство обеспечивалось всем необходимым через Управление делами ЦК ВКП(б). Но и это не гарантировало экономическую независимость партийных и государственных чиновников. Их доходы были меньше доходов нарождавшейся новой буржуазии, что порождало ненавистное отношение к нэпманам.

Результаты. В партийных рядах заметно проявлялось одно из главных её противоречий, а именно между революционерами-практиками, стремившихся к радикальным переменам и новыми советскими и партийными чиновниками, тяготеющие к прагматизму и определённости. Эта противостояние завершилось созданием вполне дееспособной в условиях мобилизационной экономики

административно-командной системы. Партия превратилась в сложный иерархический механизм, она выросла численно и сформировала номенклатурный аппарат, т. е. основу нового бюрократического класса партийных управленцев. Партийный иммунитет, который оформился в первое десятилетие советской власти стал правовой нормой. Но при этом, неприкосновенность или действия, направленные на защиту руководителей, представленные в большинстве членами партии, формировало негативное общественное мнение.

Двадцатые годы стали важнейшим этапом в формировании единой партийно-государственной системы, что означало слияние государственного и партийного аппарата. Эти процессы проходили активно на Кубани и Черноморье, с учётом особенностей аграрного региона. Формирование региональной партийной организации шло в остром противостоянии сельского населения и большевиков, где РКП(б)–ВКП(б) смогло найти социальную опору в лице иногородних крестьян и батраков. На начальном этапе формирования партийных структур активно использовали методы военного коммунизма как наиболее эффективные в условиях кризиса ради сохранения абсолютной власти любой ценой.

Нэп оказал негативное влияние на процесс партийного строительства. Новые члены партии не смогли противостоять таким явлениям как взяточничество, незаконное обогащение и др. Но И. Сталин и его окружение смогли поставить под контроль новую партийную элиту и в случае необходимости использовать правовые и партийные методы воздействия. Иерархия партийной элиты и структура партии были выстроены и находились под контролем ЦК. Одновременно формируется партийная бюрократия, которая срастается с государственным аппаратом.

Преодолев кризис в начале 1920-х гг., партия к середине десятилетия представляла собой вполне авторитетную политическую силу, способную не только удерживать власть, но и реализовать основные идеи революции.

Литература

1. Всероссийская конференция РКП (большевиков). 4–7 августа 1922 года. М.: Московский Комитет РКП(б), 1922. 245 с.
2. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года / Статистический отдел ЦК РКП(б). М.: Издательское отделение ЦК РКП. Вып. 2, 1923. 71 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. М.: Издательство ЦСУ Союза СССР, 1928. 396 с.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р–209. Оп. 1. Д. 3.
5. Двенадцатый Съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1968. 903 с.
6. Девятый съезд РКП (б). Март–апрель 1920 г. Протоколы. М.: Партийное издательство, 1934. 612 с.
7. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчёт. М.: Госполитиздат, 1963. 915 с.
8. История Кубани XX век: Очерки / под ред. В. Е. Щетнева. Краснодар: ОИПЦ Перспективы образования, 1998. 224 с.
9. Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996. 570 с.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3. 1922–1925. 9 изд. М.: Политиздат, 1984. 494 с.
11. Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа (27–29 октября 1920 г. во Владикавказе). Стенографический отчёт. Ростов-на-Дону, 1921. 61. с.
12. Лебина Н. Б., Белоцкая О. «Онэпивание»: Маленький человек в эпоху больших реформ // Родина. 2001. № 6. С. 62–66.

13. Ленин В. И. II Всероссийский съезд горнорабочих 25 января – 2 февраля 1921 г. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 23 января // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1977. Т. 42. С. 245–261.
14. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1977. Т. 41. С. 1–104.
15. Ленин В. И. Об условиях приема новых членов в партию // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1977. Т. 45. С. 17–21.
16. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март - апрель 1922 года: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. 873 с.
17. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) «О назначениях» от 12.6.1923.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) ф. 17. Оп. 34. Д. 95.
19. РГАСПИ. ф. 64. Оп. 1. Д. 4.
20. РГАСПИ. ф. 17. Оп. 84. Д. 147.
21. РГАСПИ. ф. 17. Оп. 84. Д. 148.
22. Серебрякова Т. Е. Деятельность Северо-Кавказского крайкома (1924–1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1990. 237 с.
23. Тяжельникова В. С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 75–77.
24. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК.) ф. 1. Оп. 1. Д. 276 «а».
25. ЦДНИ КК. ф. 1. Оп. 1. Д. 293.
26. ЦДНИ КК. ф. 1. Оп. 1. Д. 79 «а».
27. ЦДНИ КК. ф. 1. Оп. 1. Д. 85.
28. ЦДНИ КК. ф. 17. Оп. 1. Д. 413.
29. ЦДНИ КК. ф. 17. Оп. 1. Д. 414.
30. ЦДНИ КК. ф. 17. Оп. 1. Д. 415.
31. ЦДНИ КК. ф. 17. Оп. 1. Д. 620.
32. ЦДНИ КК. ф. 1771. Оп. 1. Д. 135.
33. ЦДНИ КК. ф. 2817. Оп. 1. Д. 1 «а».
34. ЦДНИ КК. ф. 2817. Оп. 1. Д. 3.
35. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 18.
36. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 2.
37. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 31.
38. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 82.
39. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 129.
40. ЦДНИ КК. ф. 8. Оп. 1. Д. 1 «а».
41. ЦДНИ КК. ф. 8. Оп. 1. Д. 12.
42. ЦДНИ КК. ф. 8. Оп. 1. Д. 14.
43. ЦДНИ КК. ф. 8. Оп. 1. Д. 6.
44. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). ф. 7. Оп. 1. Д. 843.
45. ЦДНИ РО. ф. 911. Оп. 1. Д. 4.
46. ЦДНИ РО. ф. 7. Оп. 1. Д. 27.

References

1. All-Russian Conference of the RCP (Bolsheviks). August 4–7, 1922. Moscow: Moscow Committee of the RCP (b); 1922. 245 p. (In Russ).
2. All-Russian census of members of the RCP in 1922 / Statistical Department of the Central Committee of the RCP (b). Moscow: Publishing departments of the Central Committee of the RCP. Vol. 2; 1923. 71 p. (In Russ).
3. All-Union Population Census of 1926. Vol. V. Moscow: Publishing house of the Central Statistical Office of the USSR Union; 1928. 396 p. (In Russ).
4. State Archives of the Krasnodar Territory. F. R-209. Inv.1. D. 3. (In Russ).
5. Twelfth Congress of the RCP(b). 17 April 25, 1923 Verbatim report. Moscow: Politizdat; 1968. 903 p. (In Russ).
6. Ninth Congress of the RCP (b). March–April 1920 Protocols. Moscow: Party Publishing House; 1934. 612 p. (In Russ).
7. Tenth Congress of the RCP(b). March 1921: Verbatim report. Moscow: Gospolitizdat; 1963. 915 p. (In Russ).
8. History of Kuban XX century: Essays. Ed. VE Shchetneva. Krasnodar: OIPTS Prospects of Education; 1998. 224 p. (In Russ).
9. Kaganovich LM. Memoirs of a worker, communist-Bolshevik, trade union, party and Soviet-state worker. Moscow: Vagrius; 1996. 570 p. (In Russ).
10. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 3. 1922–1925. 9th ed. Moscow: Politizdat; 1984. 494 p. (In Russ).
11. Regional meeting of communist organizations of the Don and Caucasus (October 27–29, 1920 in Vladikavkaz). Verbatim report. Rostov-on-Don; 1921. 61. p. (In Russ).
12. Leбина NB, Belotskaya O. “One-capping”: A little man in the era of big reforms. Rodina. 2001;(6):62-66. (In Russ).
13. Lenin VI. II All-Russian Congress of Miners January 25 – February 2, 1921. Report on the role and tasks of trade unions at the meeting of the communist faction of the congress on January 23 in Complete Works. Moscow: Politizdat; 1977. Vol. 42. P. 245–261. (In Russ).
14. Lenin VI. The childhood disease of “leftism” in communism in Complete Works. Moscow: Politizdat; 1977. Vol. 41. P. 1–104. (In Russ).
15. Lenin VI. On the conditions for admitting new members to the party in Complete Works. Moscow: Politizdat; 1977. Vol. 45. P. 17–21. (In Russ).
16. Eleventh Congress of the RCP(b). March April 1922: Verbatim report. Moscow: Gospolitizdat; 1961. 873 p. (In Russ).
17. Resolution of the Organizing Bureau of the Central Committee of the RCP (b) “On appointments” dated 12.6.1923. (In Russ).

18. Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH). F. 17. Inv. 34. D. 95. (In Russ).
19. RSASPH. F. 64. Inv. 1. D. 4. (In Russ).
20. RSASPH. F. 17. Inv. 84. D. 147. (In Russ).
21. RSASPH. F. 17. Inv. 84. D. 148. (In Russ).
22. Serebryakova TE. Activities of the North Caucasus Regional Committee (1924–1934): thesis. Rostov-on-Don, 1990. 237 p. (In Russ).
23. Tyazhelnikova VS. Composition of party organizations in the late 20s in Questions of the history of the CPSU. 1990;1:75-77. (In Russ).
24. Center for Documentation of the Contemporary History of the Krasnodar Territory (CDNI KK) F. 1. Inv. 1. D. 276 "a". (In Russ).
25. CDNI KK. F. 1. Inv. 1. D. 293. (In Russ).
26. CDNI KK. F. 1. Inv. 1. D. 79 "a". (In Russ).
27. CDNI KK. F. 1. Inv. 1. D. 85. (In Russ).
28. CDNI KK. F. 17. Inv. 1. D. 413. (In Russ).
29. CDNI KK. F. 17. Inv. 1. D. 414. (In Russ).
30. CDNI KK. F. 17. Inv. 1. D. 415. (In Russ).
31. CDNI KK. F. 17. Inv. 1. D. 620. (In Russ).
32. CDNI KK. F. 1771. Inv. 1. D. 135. (In Russ).
33. CDNI KK. F. 2817. Inv. 1. D. 1 "a". (In Russ).
34. CDNI KK. F. 2817. Inv. 1. D. 3. (In Russ).
35. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 18. (In Russ).
36. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 2. (In Russ).
37. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 31. (In Russ).
38. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 82. (In Russ).
39. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 129. (In Russ).
40. CDNI KK. F. 8. Inv. 1. D. 1 "a". (In Russ).
41. CDNI KK. F. 8. Inv. 1. D. 12. (In Russ).
42. CDNI KK. F. 8. Inv. 1. D. 14. (In Russ).
43. CDNI KK. F. 8. Inv. 1. D. 6. (In Russ).
44. Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region (CDNI RO). F. 7. Inv. 1. D. 843. (In Russ).
45. CDNI RO. F. 911. Inv. 1. D. 4. (In Russ).
46. CDNI RO. F. 7. Inv. 1. D. 27. (In Russ).